Полет на собрании

- Как себя нужно вести на служении, помнишь?

Папа пристально посмотрел в глаза Андрюшки, и тот усиленно закивал, показывая, что он вопрос понял и помнил наставления, которые ему давали каждый раз перед собранием.

- Повтори, о чём мы говорили. Пятилетнему мальчику положено знать такие вещи.

Папа всё так же строго смотрел на сына, и Андрюшка без запинок повторил хорошо выученную формулу.

- Сидеть тихо, смотреть на проповедника и внимательно слушать проповедь.

Папа довольно улыбнулся и морщинки на его лице заулыбались тоже. Хлопнув сынишку по плечу, он повернулся и зашагал в направлении хора. Андрюшка сел на первую лавочку, где обычно сидели дети и начал осматриваться.

В доме молитвы не было ни чего нового. Та же высокая, деревянная кафедра. Те же большие, светлые окна. Лавочки, длинные со спинками и мягкие, на которых Андрюшка постоянно сидел, сколько себя помнил. Папа всё так же восседал в хоре, а мама спряталась в детской с меньшим братиком.

Андрюшка забегал глазами по залу, высматривая что ни будь новенькое и интересное. Он оживлённо завертел головой, а когда ничего не нашёл, приподнялся и начал рассматривать людей на балконе. Но и там всё было, как всегда. Те же взрослые, те же дети.

Андрюшка присел и грустно опустил голову. Другие родители посадили рядом с ним своих детей, но он не посмотрел на них. Он хорошо знал, кто будет с сидеть рядом и ему стало скучно.

Когда собрание началось, Андрюша, как и все пел, как и все сел в ожидании, когда выйдет проповедник за кафедру. Он встретился глазами с папой и тот ему улыбнулся. Андрюшка тоже улыбнулся и вспомнил, что пообещал вести себя хорошо. Выпрямившись и внимательно посмотрев на кафедру, он увидел, как туда восходит Василий Петрович.

Андрюшка тут же приуныл. Ему больше нравился дядя Коля, который проповедовал оживлённо и рассказывал очень интересные примеры.

Андрюшка всегда запоминал примеры и ещё он запоминал как светились добрые глаза дяди Коли, который часто обращался в проповеди к детям, задавая вопросы.

Василий Петрович вышел за кафедру и степенно посмотрел на присутствовавших в зале. После строгим взглядом пробежав по детским рядам, остановился на Андрюшке. Мальчику показалось, что глаза Василий Петровича сейчас начнут стрелять, и он невольно вжал голову в плечи. Проповедник же прокашлялся и открыл Библию.

Читал Василий Петрович монотонно и долго. Андрюшка, помня своё обещание быть внимательным, старался не пропускать ни чего и запоминать то, что слышал. Но он мало что понял из прочитанного. Запомнил только, что в прочитанном месте было много имен и что кто-то, кого-то родил, потом опять родил и опять…

Андрюшка вспомнил, как папа привёз маму с больницы, сказав, что у них родился братик. Он даже заулыбался, словно увидев, как маленький Вова чмокал пальчик и забавно зевал беззубым ртом. Улыбался Андрюшка до тех пор, пока не почувствовал, как его кто-то толкает в спину и чей-то голос прошептал, что Василий Петрович опять строго смотрит с кафедры.

Андрюшка тревожно вернулся к проповеди, наблюдая как Василий Петрович продолжая говорить, не отрывает от него буравящего взгляда.

Первая проповедь длилась долго. Но Андрюшка всё же смог сдержать данное папе слово и просидел тихо, никого не трогая, погружаясь в воспоминания о недавно рождённом братике.

После общей молитвы регент объявил, что хор исполнит пение и все присели.

Андрюшка смотрел как его папа встал вместе с хором, и зазвучала песня. Внимание мальчика привлёк регент. Его движения были быстры и точны, размеренно красивы, и Андрюшка невольно залюбовался. Но это любование было не долгим, поскольку нового в регенте было мало, а песню Андрюшка хорошо знал. Смотря на движение рук регента, мальчик вспомнил про военные самолёты, которые часто пролетали над его домом, потому что военная часть располагалась рядом. Самолёты пролетали над крышами, гремя на всю округу и сотрясая воздух мощным громом двигателей.

Во мгновение Андрюшка представил себя на таком самолёте, как он летает, как поднимается над облаками и потом резко пикирует в низ. Для наглядности он даже нашёл самолёт. Это была ладонь его руки. И в то время, когда регент управлял хором, а папа пел, смотря в ноты и на регента, Андрюшка наблюдал за полётом своего «штурмовика». Его «ладонь - самолёт» то взмывала в верх, то падала в низ. Андрюшка делал крутые виражи и пролетал низко над аэродромом, в качестве которого вполне подошла свободная часть лавочки.

По началу, никто из стоящих не обратил внимание на забавы Андрюшки. Хор пел достаточно громко, чтобы заглушить «работу» реактивных двигателей. Правда звучание моторов больше походило на детское «бр-р-р-ы-ы-ы-ы-ы!», чем на настоящий шум, но мальчика это не смущало, а значит полёт проходил нормально.

Как раз, когда пение хора подходило к концу, Андрюшка понял, что топливо в баках скоро закончится и повёл свой штурмовик на посадку. Моторы заметно стихли и заработали шёпотом. Регент сделал последние движение и в зале стало тихо. Хор чинно сел на места. Ведущий, программу служения, дядя Паша, встал чтобы объявить участие…

Но… В этот самый момент, Андрюшка вспомнил, что не выполнил ещё один очень важный манёвр и включил форсаж: «У-у-у-у-у-у!!!»

Все в зале услышали рёв «моторов». Все, и дядя Паша с листочком в руке, застыли, растерянно смотря на последний манёвр штурмовика, на Андрюшку, который увлечённо делал «мёртвую петлю».

Недоумение зала было нарушено тяжёлыми шагами. Андрюшкин папа, виновато опустив голову, смотря исподлобья на своего сына, покинул хор и подошёл к мальчику. Он схватил «самолёт-руку» как раз в тот момент, когда Андрюшка заводил его на взлётно-посадочную полосу.

Озадаченный взгляд мальчика, полёт которого столь неожиданно был прерван, испуганно забегал по лицам окружающих. Потом он, словно поняв, что случилось, изумлённо посмотрел на папино напряжённое лицо, который вёл его по проходу, на свой «самолёт-руку» высоко поднятый папиной рукой.

Андрюшка торопливо семенил по проходу, смотря то по сторонам, то на папу, то на «самолёт-руку». Отец вёл его к выходу из зала, продолжая крепко держать руку, выше Андрюшкиной головы. Так высоко мальчику ещё не

приходилось взлетать! Восторг объял его при виде «руки-самолёта» которым теперь управляла умелая, сильная рука папы.

Торопясь к выходу, Андрюшка восхищённо любовался полётом. Тут он внезапно вспомнил, что так высоко самолёт не может взлететь без усиленной работы моторов, и вновь включил форсаж! Теперь он уже не выходил, а вылетал на штурмовике, которым уверенно и твёрдо управляла крепкая рука отца.

Чуб Станислав